

2007.04.010. ИЗОХО М. ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ: ВОИН И СВЯТОЙ.

ISOAHO M. The image of Alexander Nevsky in medieval Russia: Warrior and saint. – Leiden; Boston: Brill, 2006. – 420 p.

Ключевые слова: Россия, XIII в., Александр Невский, исторический нарратив, исторический образ.

Книга финского историка М. Изохо, посвященная изучению образа Александра Невского как исторического нарратива, повлиявшего на протяжении нескольких столетий на сознание россиян, состоит из трех частей, в которых говорится о средневековом образе идеального правителя; изменении образа; об использовании образа Александра Невского в новой истории. Автор пишет, что Александр Невский (1220/21–1263) – одна из наиболее популярных фигур в российской военной истории, герой, защитивший страну и религию и причисленный церковью к лику ее святых. Сложившееся представление о нем главным образом основано на его «Житии» – яркой средневековой биографии. «Житие Александра Невского» – это последовательное и всеми признанное изображение князя, образ которого сильно влиял на народные представления о патриотизме с древних времен до современности. Героический статус Александра Невского во многом результат исторических событий XIII столетия – от них идет образ идеального воина, сумевшего положить предел экспансии тевтонских рыцарей и защитить Новгород от шведов. По этой же причине Александр Невский отмечен как защитник православной религии от католического Запада.

События 1240–1242 гг. в историографии Швеции, Финляндии и России имеют неоднозначную трактовку. В то время как шведская историография, как правило, не обращает внимание на Невское сражение, традиционная финская и российская историография акцентирует свой интерес к шведской экспедиции, придавая ей статус крестового похода (с. 1). Однако некоторые историки, подчеркивает автор, сомневаются относительно того, было ли вообще сколько-нибудь крупномасштабное западное вторжение в Северо-Западную Россию. Часть современных исследователей, которые ранее рассматривали сражения XIII в. как «роковые», теперь нередко характеризуют их как приграничные конфликты, имевшие не большее значение, чем многие

другие сражения в приграничных районах русских княжеств того времени.

Автор пишет, что цель изучения личности Александра Невского – это не столько попытка выявить реального человека, изображенного в мифе, сколько стремление идентифицировать и исследовать материал, на основе которого была построена легенда. «Житие Александра Невского» – главный источник. Финский историк считает, что историческая ситуация в русских землях во время появления «Жития» позволяла учитывать в этом произведении и широко использовать литературные традиции XIII и XIV вв. Автор «Жития» был знаком не только со средневековыми образцами составления такого рода произведений – он продемонстрировал и тот рыцарский дух, который был так присущ Европе времен Крестовых походов. Он, несомненно, преследовал в своей работе определенные цели, вписывая Александра Невского в современную ему эпоху. Поэтому «Житие» мало что говорит о реальных исторических событиях. Говоря о сражении на реке Неве, рассказчик «Жития» использовал известный прием, в котором герой противостоит могущественному противнику, но благодаря своей изобретательности и умению побеждает его. Автор «Жития» также связал героические действия Александра с библейскими примерами так, чтобы в эпизоде сражения на Неве Александр был уподоблен Езекии, который противостоял вождю Ассирии при защите Иерусалима. Эта библейская модель использована не только для изображения Александра как святого героя. Она давала возможность автору упомянуть о монгольском нашествии через проводимую параллель между Александром и Езекией. Новгород был спасен Александром так же, как Иерусалим был спасен благочестием Езекии, в то время как Израиль был занят ассирийцами.

Автор использовал обращения к святым Борису и Глебу и упомянул о сражениях их брата Ярослава как законной мести, правосудии. Он также применил прием ссылки на небесную помощь, которые были знакомы в литературе в связи с описаниями сражений против сарацинов во время Крестовых походов. Умело комбинируя эти аспекты с традицией, используемой в российских летописях, он стремится показать, что князь Александр вел справедливую войну. Видение Бориса и Глеба перед сражением на Неве свидетельствует об этом.

Местный аспект «Жития» Александра подчинен универсальному значению рыцарства и чести, справедливой защиты. Описание сражения на Неве в «Житии» ни в коей мере не соотносится с информацией об этом событии, изложенной в Новгородской летописи. В «Житии» не храбрость новгородцев спасла их родные очаги, а храбрость Александра, защитившего земли, принадлежавшие ему, согласно его наследственным правам. Немцы и шведы посягнули на его суверенные, законно принадлежащие ему земли. Исторически это идет вне любой новгородской интерпретации положения князя в городе и подчеркивает династическую традицию великих князей.

Очень сложное положение в «Житии» занимает Псков – и не только из-за значения его как арены личного героизма Александра, но также и из-за образа Александра в этом городе, культивируемого в последующие столетия. «Житие Довмонта», написанное в XIV столетии, было основано в значительной степени на «Житии» князя Александра, освободившего город от тевтонских рыцарей в 1241–1242 гг.

Повесть о «Житии» Александра Невского, констатирует автор, весьма сложно и имеет много измерений. Вместе с Новгородской летописью и «Житием Довмонта» «Житие» Александра противостоит в литературе Тевтонскому ордену. Все эти исторические рассказы появились в течение относительно короткого периода – за 50 лет: «Житие Александра Невского» наиболее вероятно создано в правление князя Дмитрия Александровича, старшего сына Александра Невского. По мнению автора, предположение ряда историков о том, что к составлению «Жития» причастен Кирилл, не имеет достаточно веских аргументов. Основная цель «Жития» очевидна и проста: создание образа хорошего, справедливого правителя, который был необходим людям больше всего тогда, когда трудные времена ослабили общество и оно испытывало надобность в устойчивом порядке. Как явствует из содержания «Жития», правителем, к которому оно было обращено, являлся сын Александра Дмитрий, его наследник. Центральная роль святых Бориса и Глеба в «Житии» как пример братской любви противопоставлялась реальной ситуации, при которой Андрей Александрович, младший сын Александра Невского, бросил вызов своему старшему брату Дмитрию в династической усобице. Пример Бориса и Глеба – это им и укор, и призыв к братской любви. «Житие» Александра, давая идеальное изображение добродетельного

правителя, заботившегося о своих людях и использовавшего военную силу только против внешних врагов, было как бы попыткой примирить сыновей Александра.

Содержание «Жития» дает основание считать, что произведение было создано во Владимире, так как взгляд «Жития» на роль князя значительно отличается от позиции Новгорода в отношении своего князя. Автор высказывает предположение, что «Житие» было рождено в монашеских кругах Владимира, в монастыре Рождества Богоматери, где был похоронен Александр Невский. Так как составитель Лаврентьевской летописи 1377 г. Лаврентий был монахом этого монастыря, то он, должно быть, имел сведения об истории «Жития» и включил его впервые как часть исторического содержания летописи под годом смерти Александра.

Развитие образа Александра Невского в московских летописях началось позже, в 1480 г. Примерно в то же время «Житие» было вставлено и в псковские летописи. В новгородскую летопись «Житие» было включено в 1423 г. Изображение Александра как идеального князя было диалоговое. Оно воздействовало на другие рассказы. Образ Александра соединил духовный, христианский идеал набожного правителя с концепцией доблестного воина. Это была особенность «Жития», преобладавшая в течение средневекового периода. Такая двойственность стала одной из причин популярности и долговечности легенды о князе. Каждый автор мог подчеркивать те или иные из этих особенностей, как то было блестяще сделано в последующих списках «Жития» и было интерполировано в некоторых из наиболее известных летописей XV столетия. Идеализация образа Александра Невского проявлялась и в сравнении его с князем Михаилом Черниговским, мучеником и защитником русской земли, погибшим в Золотой Орде.

Одно из наиболее заметных обогащений образа Александра Невского содержится в Софийской летописи XV столетия, в которой содержались вставки из «Жития». В текстах Куликовского цикла Александр Невский играл ведущую роль как пример для великого князя московского Дмитрия Ивановича, героя Куликовского сражения. Образ Александра Невского как противника Золотой Орды служил делу борьбы против нее, вдохновлял русских людей на ратные подвиги. Куликовский цикл вошел во многие большие летописи, отражавшие новый вид исторического сознания. «Житие Александра Невского» стало частью его.

«1547 год был поворотным в культе Александра Невского» (с. 386), — тогда он был официально канонизирован. Образ Александра Невского воспринимался уже небесным защитником великого князя московского. Его «Житие» было включено в московские летописи. Образ Александра как небесного воина укреплял позиции московских великих князей и затем царей, подчеркивая их святость, и служил процессу расширения московских земель.

На местном уровне «Житие» пересматривалось, переделывалось во Владимире, в летописях Пскова. Монастырь Рождества Богоматери во Владимире остался центром литературной работы над «Житием». Одна из наиболее широко распространенных его версий, принадлежавшая Ионе Думину, была написана в конце XVI столетия, накануне Смуты. Александр Невский сохранил свое положение благородного предка великих князей и его культ праздновался Романовыми, в то время как разоренные Новгород и Псков помнили его как древнего защитника российских пограничных областей.

Историки, использующие летописи — богатейший источник средневековой истории, обнаруживают рассказ об Александре Ярославиче главным образом в московских летописях XVI столетия. Столица сохранила официальную историю. Изображение Александра Невского, превратившегося в средневековых летописях в одного из небесных защитников Московского государства, сохранялось последующими поколениями. Когда Петр Великий переместил столицу в Санкт-Петербург, образ Александра был также изменен, чтобы полнее соответствовать государственной идеологии. Переделывание образа небесного защитника России продолжалось в течение XIX столетия, когда православная традиция русского мира стала его важной особенностью. «Это было время, когда историки (Карамзин и др.) предложили идеальное изображение набожного князя, используя летописи XVI столетия и Степенную книгу как главные источники. Образ Александра Невского служил патриотическим идеалом, в том числе и во время Второй мировой войны. Этот поиск нравственного примера в защите Отчизны сохранен и в современной России, которая чтит память об Александре Невском» (с. 389).

В.М. Шевырин